

В каком смысле Россия — «Страна дураков»?

Евгений Наклеушев*

Старый трюизм: две вечные беды России — дураки и дороги. Дураки, понятно, идут у нас впереди и поражающих воображение дорог, — а почему понятно, знает на собственной шкуре всяк, кто хоть недолго прожил в нашей стране, так что вроде б и думать здесь не о чем. «О, русский глупый наш народ...», — вздохнул не какой-нибудь заполошный западник — Пушкин¹! Тот самый Пушкин, что восхищался сметкой русского народа. Такой вот интересный ребус.

Так что подумать, надо быть, есть о чем. Вот тебе, благосклонный читатель, толка информации к размышлению. В 1986 г. рабочее место нашего ученого в самых устрашающе затратных областях, как космос, ядерная физика, ядерная энергетика и современная химия, было оборудовано в *18 раз дешевле*, чем, таковое ученого Соединенных Штатов². С каковыми в означенных областях мы держали солидный паритет. Откуда б такиемышленные личности в «стране дураков»?

Автор этих строк прожил в США 15 лет кряду, и еще около двух наездами. И убеждался несчетно, что дремучестью американский дурак — да и рядовой, извините, обыватель — даст нашему дураку сто очков вперед. Что характер мышления подавляющей части американских интеллектуалов угрожающе близко соответствует вульгарному истолкованию учения Павлова о мышлении как *целиком* сводящемся к условным рефлексам во второй сигнальной системе. Что едва не стопроцентна в американской среде пошлость (само это слово, кстати, не переводимо на языки Запада, и вряд ли истолкуемо в тамошней системе понятий; Набоков, во всяком случае, бился на восьми, помнится, страницах английского текста — существенно более убористого, чем был бы его русский аналог — и сдался; так, по разумению автора, не переводима была бы «сырость» на язык разумных обитателей глубоководья). Но при всех справедливых претензиях к этой «благополучной» (как не устают величать ее наши СМИ) державе, никому, включая самых злобных ее врагов, не приходит в голову именовать ее страной дураков. И справедливо, что не приходит. Что тут за притча?

Тут конечно для начала надобно вспомнить, что во всей, за редкими просветами, послепетровской (как минимум) истории России дураки невозбранно толпятся у кормила власти. Их неусыпное влияние с лихвой перекрывает всякое иное, их неустанные административные восторги обходятся отечеству премного дороже и атомных затей, и космоса, и, бог весть, еще чего, вместе взятых. . .

*E-mail: emn42@yandex.ru

¹10 глава «Евгения Онегина»

²Данные В. Степина, ставшего в том году директором Института истории естествознания и техники. ЗС, 6/2006

Тогда как Запад вообще, и США в особенности, остаются доселе относительно стабильным царством среднего человека. Средние (в последние десятилетия, правда, все чаще уже, ну, очень средние — «Чем меньше думаешь, тем больше любишь Буша», — острят нынче в Америке) прочно стоят у власти президентской, конгрессменской и сенаторской. Некоторые социологи полагают даже, что сегодня у политика с коэффициентом интеллекта выше 115 (весьма умеренный потолок!) шансов на успешную карьеру просто нет.

При этом, однако, властвующие традиционно благоразумно следуют рекомендациям интеллектуалов экспертов — в той, понятно, степени, в какой способны их понять («Если вы такие умные, почему я президент, а вы нет?» — отбивался от своих настырных экспертов еще Буш старший, социологов явно не читавший). В печати учащаются, правда, в последние десятилетия ярые нападки на «недемократичный» (еще бы!) институт экспертов. Написаны книги, ставящие под сомнение их компетентность, если не прямо утверждающие, ни много, ни мало, что *все* эксперты — шарлатаны³, и рассчитывать допустимо только на «необыкновенный здравый смысл обыкновенных людей» (оксюморон этот — не злая издевка, а прямодушная популярная в современной Америке формула символа демократической веры). К счастью, как говорят в США, «демократия кончается за порогом вашей работы», и офис президента здесь не исключение. Так что интеллектуалам дозволяют покамест дотягиваться до скользковатого для них властного кормила.

В то же время потенциально катастрофическое по следствиям давление некомпетентной и просто глупой частей электората (то есть в их сумме в условиях США подавляющего его большинства) удается доселе успешно парировать самыми нехитрыми приемами «демократической» демагогии. Этим людям никогда не скажут, например: «Прежде, чем протестовать против политики вашей страны в какой-нибудь Боливии, узнайте хотя бы, где она находится — в Африке, в Азии или, быть может, в Латинской Америке?» Подавляющее большинство американцев этого не знают — и знать не хотят — они слишком вымотаны «крысиными гонками» (их термин) повседневного существования, но протестовать считают своим долгом, будучи побуждаемы к тому «либеральными» СМИ⁴. Им вообще никогда не намекнут на их вопиющую некомпетентность, поскольку сие означало бы покушение на священнейшую из коров демократии: равенство всех людей и всех мнений⁵. Напротив, проводятся регулярные опросы «обще-

³Шарлатанов среди приближенных к высшей власти в США и, правда, многовато. «Я не лингвист, но мои эксперты сказали мне, что у русских нет слова „свобода“», — заявил осенью 1985 г. (то есть в конце первого года своего второго президентского срока) Рейган («великий президент», как стали именовать его по истечению его президентства даже либеральные СМИ, ранее ему враждебные) в интервью британскому журналисту. Что ж, президенты подбирают понятных им экспертов — или имеют проблемы Буша старшего.

⁴Либеральные СМИ США — и целого Запада — десятилетиями с замечательной последовательностью отстаивали суверенные права колобродить, как тем было угодно, самых одиозных, если мощных, или блокировавшихся с мощными, режимов, но союзной со Штатами диктаторской мелочи, той, да, спуска не давали.

⁵«Мы привыкли думать, что демократия — это, когда глупость и невежество одних равны уму и знаниям других, но демократия — это совсем другое!» — вырвалось в одном из интервью у Айзика Азимова. Вслед за чем Азимов благоразумно умолк (или был благоразумно сокращен редакцией?), ни словом не намекнув, что же такое, по его мнению, «та самая демократия». В самом деле, любимцу Америки не стоило продолжать, ибо ему явно желалось *аристократии* ума и знаний.

ственного мнения» (то есть мнений, навязанных обществу СМИ) по всем сколько-нибудь важным вопросам текущей политики. После чего успокоенные обыватели возвращаются к насущным заботам, а «их мнения» спокойно же игнорируются. И худо-бедно, по мощной инерции веков расцвета Запада, или не совсем по одной ней, Запад остается, если не укрепляется, доселе в своей роли практически безраздельного экономического, политического и даже культурного гегемона планеты⁶.

Так почему же мы с нашими уникальными богатствами культуры, вдумчивости, образованности и таланта позволяем нашему ретивому начальству удерживать нас в состоянии «страны дураков», а они до сих пор нет? Дабы разрешить эту загадку, привлечем в помощь мудрость древних.

На переходе от греческой архаики к классике высятся фигуры «семерых мудрецов». (Здесь «семь» — фигура речи. По разным позднейшим источникам насчитывают семнадцать их имен.) Мудрецы эти воспитали отечество для его уникальной роли свершителя «греческого чуда», и благоговейно почитались вплоть до краха языческой античности. От каждого из них сохранились изречения, лапидарно доносящие главное в их учениях. Почти все они давно стали трюизмами, как «Меру во всем соблюдай». Особняком стоит сказанное самым (если не единственным), согласно ворчливому Гераклиту, «толковым» из них («Больше толку, чем в других», — уронил Гераклит) — Биантом из Приены: «Худших везде большинство».

Что должны были означать эти странные слова?

Конечно, древние не знали кривых нормального распределения вероятностей, как-то явили бы им, что худших по любому избранному критерию в достаточно представительных выборках везде столько же, сколько и лучших, и куда меньше, чем средних. Но и без таких кривых и иных тонких средств современного анализа греки ухитрялись поразительно часто обнаруживать вещи, что составили бы честь любому современному исследователю. Мог ли столь грубо заблудиться самый «толковый» из их мудрецов?

Вероятней всего, Биант имел в виду нечто иное, чем демонстрируемое нашими кривыми, и видом их не смутился бы. И трудно вообразить, что бы именно, если не предположить, что к «худшим» он отнес всех не лучших, то есть и средних.

Откуда ж такая немилость к средним — у мудреца?! А, надо быть, современные ему средние сполна ее заслужили.

Перелом от архаики к классике был эпохой страшного цивилизационного кризиса во всей культурной Евразии. Не от хорошей жизни родилось «греческое чудо» и целое «осевое время» Евразии (по Ясперсу), когда практически разом в Китае, Индии и Греции родились систематические философии и ориентированные на них религии и науки, последние соки которых питают донныне наши религии и гуманитарные дисциплины. От хорошей жизни вообще ничего истинно великого и нового никогда не рождалось. От хорошей жизни разве что шлифовали традицию, эту жизнь обеспечившую.

А теперь спросим себя: как ведут себя в огромном большинстве люди в эпохи цивилизационных кризисов, когда шатаются и становятся зыбки сами «добро» и «зло»,

⁶ Таким образом, когда один из последних свободных умов Запада Ортега-и-Гассет заявил дерзко: «Общество — всегда аристократия», он знал, что говорил, даже и в парадоксальном случае царства среднего человека. (Что до «страны дураков», то на очевидном уровне это откровенно выраженная аристократия кверху задом, где «говно не тонет», — но в подспудной ее глубине могут идти процессы самые парадоксальные и неожиданные по следствиям. . .)

«нельзя» и «можно», и «должно»? Оглянемся ли окрест, зароемся ли в пласты мировой истории, ответ будет один: *плохо* — ориентируясь в первую голову на пример худших в любом созидательном смысле: моральном, интеллектуальном и пр.

Ибо для непосредственных участников такой эпохи это, прежде всего пора разрушения — ростки нового обнаружат в ней задним числом, оглядываясь из лучшего будущего, — если таковое наступит (велико число погибших в такие эпохи народов). В огромном большинстве люди не умеют разрушать и строить разом — это несовместимо и физически, и логически — разве что чудом. И вот все, кроме богатырей духа да чудаков неисправимых, плывут, кто меньше, кто больше, с волной разрушения — чтобы не утонуть.

Мудрецов возвеличат — и даже сверх меры — достаточное время по их кончине. А покамест для людей трезвых они — шуты гороховые и пренеприятные, ибо лезут учить тому, с чем «жить нельзя» (в дальнейшем обнаружат, что только так жить и можно).

И вот, средние ведут себя много чаще по типу худших, чем верных себе средних (если такие бывают в эту пору), а тем более лучших.

И сами лучшие расщепляются в это время на огромное большинство, «не знающее, что есть «добро», и что «зло», и от чего больше вреда человеку?» (по словам одной женщины социолога), — и исчезающе малое меньшинство — «семерых» — на пределе сил и в мучительных сомнениях прозревающих новый облик добра и зла, — чтобы, если даст время история, утвердить общество в найденном, как на граните.

Не упустим и тот момент определяющего влияния в такие эпохи худших, что они предлагают решения социальных и личных задач, наиболее близкие к первобытным инстинктам, — а, значит, самые энергичные и простые. (Один из законов в серии Паркинсона: «Любая сложная проблема имеет простое и ясное решение. К сожалению, как правило, ложное».) Это завораживает заблудившихся средних и даже слабых лучших. То, что такие решения сводятся в основе к *усечению* всего «чуждого», «лишнего» и «злодейского», то есть суть по определению решения топорные, мало кого здесь пугает. Способность средних и даже большинства лучших к дальнему социологическому прогнозу удовлетворительна лишь в условиях отлаженной культурной традиции. Вне ее, повторимся, она на грани возможностей лучших из лучших умов⁷.

Кого, однако ж, способны в такую эпоху убедить в своей правоте эти последние, даже утвердившись в ней сами? Почти исключительно лучших, да и тех далеко не всех. И если учесть, что убеждаемые менее всех радикалы, способные, не колеблясь и не взирая на несогласных, претворять свои убеждения в дело, да прибавить к тому, что сами «семеро» парадоксальным образом сочетают величайшую убежденность в найденной истине — с величайшим же сомнением, проистекающим из нондогматизма свободных умов («Я знаю только то, что ничего не знаю», скажет Сократ в эпоху меньшего кризиса «демократии демагогов», напрочь запутав на тысячи лет обывателей, воображающих доселе, что величайший из греческих умов умер за свое невежество. Тот Сократ, что на суде над собою: «А я говорю вам, афиняне, не ума не хватает мне, чтобы прожить в согласии с вами — а дерзости и бесстыдства!» Бесстыдства перед лицом

⁷В том же явно был убежден Стендаль, когда особо похвалил Наполеона за то, что тот сумел (также в эпоху цивилизационного кризиса французской революции, пусть и куда менее глубокого, чем рассматриваемый) объединить в своем Государственном совете, невзирая на их яростные партийные распри, «*наименее глупых* французов».

истины, перед твердью которой почтенные убеждения народного собрания славнейшего из греческих государств — тлен и прах!), то...

Если учесть все это, то каковы же их шансы на победу со временем в определяющем большинстве общества? Если вас, благосклонный читатель, отличает отменный посторонний здравый смысл или крепкая естественнонаучная закалка, счастливо соединенные с фундаментальным историческим невежеством (более чем распространенным), вы, не колеблясь, ответите: «Никаких!»

И, как ни удивительно, будете не совсем правы. Ибо, хотя чудо несовместимо ни с обыденным здравым смыслом, ни с целой структурой естественнонаучного знания, и вполне соответственно, подавляющее большинство культур и народов, попавших в переделку цивилизационного кризиса, погибли или были ассимилированы (по меньшей мере, культурно) соседями, как и «было положено», — исключительное меньшинство совершили *чудо*. Из коих самое яркое — во мнении европейцев — так и назвали: «греческое чудо». И все чаще, преодолевая европоцентризм, историки говорят о «китайском чуде», «индийском чуде», «палестинском чуде» — и иных, меньших, чудесах. ***И чем страшней бывал в данной культуре кризис, тем — если конечно он не приканчивал ее нацело — ярче оказывалось последующее чудо.*** Это на заметку тем, кто не устает проливать слезы над разбитым корытом «России, которую мы потеряли» (очень разная то была Россия, где величайшие вершины мировой культуры соседствовали с трясиной дикости и пустынями нигилизма, и вряд ли в силах человеческих было ее спасти) — вместо того, чтобы с верой трудиться для России будущего. Ибо, как констатируют социологи развития, ***будущее куда менее определяется прошлым, чем нашими установками относительно будущего.***

Но, пока будущее еще только готовилось придти в погибавшую Элладу, Биант оставался архиправ, и горькая его правда стала одним из компонентов того лекарства, что исцелило страну и возродило ее для лучшей жизни. Запомним это, и вернемся к проблемам отечества.

Подобно прочим славянским странам, но, может быть, более их всех Россия никогда не успевала выковать прочную культурную традицию, где, обратно Бианту, «лучших везде большинство», поскольку в ее (традиции, а не России) условиях средние и даже большинство худших искренне принимают модели поведения лучших, как *свои* (откуда, например, знаменитая честность большинства немцев). История славянства — череда бурных, но кратких расцветов, сменяющихся застоями, упадками, смутными временами — и новыми пышными, но хрупкими цветениями.

«В какую варварскую страну ты меня послал!» — печалуется Анна Ярославна, королева Франции и одна из самых образованных личностей своего времени, в письме к отцу, Ярославу Мудрому. Франция уже самая передовая и динамичная страна Запада. Увы, только Запада. До Руси, судя по мрачным подробностям письма, ей страшно далеко. На дворе первая половина XI века. Русской государственности — если считать от «призвания варягов» — нет и двух веков. От крещения Руси Владимиром около полувека (кстати, за те полвека население Руси более чем удвоилось)...

Был ли слаб умом народ, сотворивший тот культурный взрыв?.. Но... Судьба поставила нас на перекресток целой Евразии. На нас сошлись все ее самые мощные культурные — и варварские — влияния. Все это следовало, хочешь, не хочешь, переварить здесь и сейчас — и никогда не доставало времени (о чем писал Григорий Померанц),

ибо влияния чередовались в направлении и силе, — а мы...

А нашим лучшим умам и душам, словно мало было забот — им всегда больше всех было надо! Не смущаясь ни естественной бедностью страны, находящейся в зоне повышенного земледельческого риска, ни ее крайней стратегической уязвимостью, они желали — и требовали от себя — *последних высот* во всем: в святости, в мудрости, в добре и красоте — и в Правде на земле — никак не меньше! И, что удивительно, периодами немалого из того добивались... Ненадолго...

Могли ли тянуться за ними хотя бы средние? Не говоря о худших?

«Конечно, нет! Да ведь это арифметика!» — воскликнул бы герой Достоевского.

Могла ли установиться прочно традиция, требовавшая крайнего напряжения сил лучших и строившаяся на непомерно суженной общественной базе — даже и в идеальных внешних условиях, каковых и близко не было в нашем вечно беспокойном регионе?

Конечно, не могла. И не то странно, что она то и дело рвалась. Странно и чудесно, что при всех описанных невозможностях нормального развития русская традиция, обзреваемая с высоты тысячелетия, хранит упорную верность себе в поиске *последней и высшей Правды*, как бы ни менялись формы и идеологии этого поиска. И еще чудесней, как много из того поиска проникло — «вопреки арифметике» — в толщу целого нашего народа (кто пожил-походил по русским деревням, как автор в детстве и юности, знает, о чем речь; прочим могут помочь писатели-деревенщики). При всех чертах мутного варварства, мы парадоксальнейшим образом даже сейчас — в одной из самых низких точек нашего исторического бытия — остаемся самым человечным народом на земле (пусть фыркают господа западники — в культурнейших кругах Запада это просто *трюизм*, да и в культурных кругах всего остального мира давно не новость!)

Как заметил Бердяев, царство серединного, где только и строились до сих пор устойчивые цивилизации, нам глубоко чуждо.

Что это значит? То ли, что Россия обречена маяться до своего скончания — или что предназначена она к построению *сверхцивилизации* — когда созреет ее время?

Все, что знает и чувствует о России автор (а с ним многие на всей Земле, для кого Россия — Надежда), вкуче со всем, что знает он о мировой истории, питает его веру в последнее.

Итак, почему изобильный глупостью и пошлостью, старый и усталый Запад не становится до сих пор «страной дураков»?

Запад вывозит отточенная веками традиция. Слишком многие там, включая и дураков, «точно знают», что есть «добро», и что «зло», что «можно» и «должно», а чего категорически «нельзя» в государстве и в обществе. Хваленый «плюрализм» Запада разительно деликатен по отношению к священным коровам истеблишмента, а когда нет, гасит сам себя противоречивостью наскоков.

А, главное, тамошний дурак, не в пример нашему, не горит долгом спасать и направлять к будущему отечество. Ибо, пусть с все большим скрипом, традиция продолжает работать, и кое в чем (прежде всего в обеспечении материального комфорта) работает лучше, чем любая другая в мире. И определяющее большинство хорошо чувствует, что любое *радикальное* изменение этой традиции, даже в пунктах, где она кричаще устарева, чревато почти однозначно катастрофическими следствиями. Ибо традиция эта слишком стара для крутых новшеств.

А что до маргинальных групп, ненавидящих эту традицию библейской, добела рас-

каленной ненавистью, и готовых выжечь ее дотла при первой возможности и любой ценой, и хоть трава не расти, то их пока мало, и каждая из них малочисленна. Пока⁸...

Так почему вздохнул Пушкин: «О русский глупый наш народ...»?

По описанным выше причинам почти вся наша история проходит под знаком перманентного и только варьирующего в степени интенсивности цивилизационного кризиса. Наивно думать, что он начался с Петра. До европейского «псевдоморфоза» (по Шпенглеру), заведенного Петром, был псевдоморфоз татаро-монгольский (как заметил и Шпенглер), пусть и более чем последующий, гармонизированный древностию лет, — и т.д. А в эпоху цивилизационного кризиса, повторимся, «худших везде большинство». В том числе, естественно, дураков, пусть в большинстве своем вовсе не природных.

А поскольку дураки правят бал, в обществе доминирует дурацкий этос. Как заметил друг Пушкина князь Вяземский:

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати, —
Вот он, вот он, русский бог...

Народ, принявший и освятивший именем Божьим подобный этос, разумеется «глуп» в достаточно ясном теперь, надеемся, смысле слова, сколько бы светлых умов и гениев он ни породил. Тем более что, породив, он, направляемый сим этосом, всевозможными путями их изводит. Мартиролог русских гениев и талантов слишком велик и известен, чтобы стоило к нему возвращаться. Заметь, благосклонный читатель, что автор здесь не злобится на свой народ, но стремится, как можно объективней описать неизбежные в протекающей доселе фазе нашей истории связи социальных явлений.

Естественно, этос этот неслабо гипнотизирует и определяющее большинство наших лучших умов и талантов. Как пел бунтарь (!) Галич:

Не бойся беды, не бойся войны,
Не бойся мора и глада,
А бойся единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Он что, не заметил, что современный ему обыватель в определяющем своем большинстве «прекрасно знал» (и теперь «знает» — но, слава Богу, слишком устал от собственных выкидочков в истории, чтобы претворить свое «знание» в дело), «как надо»: топором — и без рассуждений?! И что же — если никто — должно избавить обывателя от столь сладкой своею простотою иллюзии? Кривая истории и обычая?.. Мы родились и росли «на руинах нищей страны», — спел позднее Тальков. В руинах — стоит почитать нашу классическую литературу, чтобы в том убедиться — лежат и наши обычаи.

Боже, как социально уступчив, как скромн (то есть, *скрыт!*) и лоялен к не им выстроенному отечественному истэблишменту типичный русский интеллигент, явно стесняющийся, что он такой «слишком умный». Разумеется, социальная лояльность — вещь

⁸В Риме, столице самых откровенных лозунгов, под каждый новый год на стенах появляются угрожающие надписи: «Anno zero» (Год ноль).

необходимая. Столь часто не обремененный ею Западный интеллектual есть просто особо опасный хищник, и компьютер его может быть пострашней автомата в руках вульгарного бандита. Но, есть же мера в вещах! За коей они, как известно, обращаются в собственную противоположность.

Автор читал в отечественной прессе, как в первое ельцинское время кто-то из академических кругов предложил создать партию для защиты науки и ученых. Какое предложение было с негодованием отвергнуто большинством его коллег, как «нелояльное» к новой «демократической» власти. Которая, разумеется, стремясь нажраться в три горла, повела себя в отношении науки, как свинья под дубом вековым. (Впрочем, помимо животной жадности мог тут быть, покажем мы ниже, и трезвый расчет чиновников.)

За скромностью русского интеллигента — до заслуженных академиков — стоит, разумеется, и то, что он и в самом деле не знает, «как надо», и события последних двух десятков лет слишком явственно это подтвердили. Ныне, как известно, в мире происходит информационная революция: информация становится самым ценным и важным из всего, что производят люди. И опять-таки не секрет, что во главу общества во все времена вставали рано или поздно те, кто выполнял в нем самую важную для данной эпохи функцию. Время собственной силой вещей — без специальных усилий наших интеллигентов и интеллектуалов Запада — льет власть в их руки. Об этом, кто с крайней тревогой («Христианский манифест» американца Шейфера), кто — куда реже — с наивным энтузиазмом (вечно причудливый Бжезинский), пишут уже не первое десятилетие на Западе. Информация — не деньги, которые может положить в карман всякий. Информация аристократична по природе, ибо дается лишь тем, кто обладает достаточно высоким интеллектом, чтобы с нею работать, — а, значит, информация у власти не может не уничтожить демократию — царство среднего человека, которому все-де «равны»⁹. В своей последней книге¹⁰ автор, однако, показывает, что характер системности Западной цивилизации должен был бы для создания там такого рода аристократии измениться до наоборот, что невозможно без ее тотального краха. Тогда как системность нашего общества такой аристократии как раз способствует¹¹.

Судя по поведению нашей интеллигенции в период «демократической революции», непохоже, чтобы сколько-нибудь значительная ее часть понимала, что в стране совершается де-факто в существе своем превентивная контрреволюция против ее исподволь подступающей роли правящего класса. Наша интеллигенция ведь была и остается в подавляющем большинстве западнической, ничего выше демократии (при типе системности нашей культуры *в принципе невозможной* — если говорить о ее сути, а не о внешних формах, которые без труда переняли и в Японии, и в ряде стран Африки)¹² вообразить не способной. Вопрос: понимали ли этот характер нашей последней «революции» чиновники? Если и не понимали, то, несомненно, чуяли инстинктом хищников,

⁹В № 5/97 ЗС в статье «10 и 90 — новая статистика интеллекта» приводится вывод российского ученого и педагога Милошлага Балабана, основанный на данных международных социологических исследований: «Только десять процентов людей способны учиться с книгой в руках!» — причем это врожденное для людей соотношение не способны изменить *никакие затраты и никакая система обучения*.

¹⁰Введение в унологию, или единое знание, Ярославль, 2001, глава 4-а.

¹¹Та же глава той же книги.

¹²Все та же глава.

у которых выскальзывает из пасти добыча. Инстинктом, нимало не притупленным цивилизационными предпочтениями идеалистов умников. В любом случае, если России суждено выжить, успех означенной контрреволюции может быть только временным, и это опять-таки явно чувствует чиновник, истерически торопящийся урвать все, что может, любой ценой, и плюя на отечество.

Западничество есть, конечно, сколь ни трагичная, — неизбежная болезнь современной интеллигенции (распространенная в целом незападном мире, о чем много писал Померанц, а до него авторитетнейший на Западе философ истории Тойнби, обозвавший — благодушнейший либерал! — интеллигенцию квислингами¹³, пытающимися повернуть родную цивилизацию на путь, для нее чуждый и бесперспективный), тем более что противостоит той болезни не здоровье, но во многом надрывное же почвенничество. Ведь самый эффективный стиль современной мысли родился на Западе, и возражать Западу наши современники умеют лишь на языке сердца. Для человека более или менее гармоничной культуры голос сердца — самый почтенный. «Благородный муж не ставит резоны рассудка выше голоса сердца», — сказал Конфуций. Но голос сердца умеет донести только искусство. На уровне понятий прилично изъясняться лишь в Западном стиле, поскольку конкурентноспособного с ним пока не видят. И вот, самые злобные враги Запада ругают его, рабски копируя выработанную им систему понятий — пусть и с причудливыми сдвигами акцентов. Избавиться от западнического рабства пора давно — наша интеллигенция (и, возможно, не одна она) уже десятилетия понимает, и тем более чувствует, безусловно, больше, чем интеллектуалы современного Запада. Наш простой человек, сколь ни запутавшийся, чувствует-таки в свои лучшие минуты вещи, давно и прочно забытые Западным обывателем. Но избавление это возможно только с выработкой языка, на котором мы сможем выразить специфику собственной культуры и предъявить Западу вполне членораздельные претензии. На построение основных понятий такого языка претендует автор в своей выше указанной книге.

«Квислингианство» (по Тойнби) есть, конечно, еще одна смутно ощущаемая нашей интеллигенцией вина, особенно добавляющая к ее пресловутой скромности. Комплекс неполноценности естественно характеризует все творческие элиты цивилизаций, расколотых могучим внешним культурным влиянием. Наши дореволюционные предшественники идолизировали народ в силу того же комплекса, а когда идол рухнул им на головы, принялись — и передали в наследство большинству из нас — презирать его «темноту» (довольно, повторимся, светлую в сравнение с темнотой Западного обывателя) — надо же было как-то сохранить остатки собственного достоинства. Отчужденное презрение — обратная сторона медали интеллигентской скромности.

Но, как знают здоровые взрослые люди, достоинство не сохраняется за чужой счет. Только дети пытаются почувствовать себя уверенней, выкрикивая обидчику «дурака». Собственное достоинство можно отстоять только собственными трудами и в особенности *деятельной любовью* — к тому самому избидевшему нас — с большой нашей ему в том помощью! — народу. Ибо, как заметили наши предки, «худо телу без головы, худо и голове без тела».

«Безгранично любить народ!» — требовал от своих последователей аристократ по

¹³Вождь норвежских фашистов Квислинг помог германской оккупации своей страны, а потом был послушным немцам премьер-министром.

рождению и убеждениям Конфуций.

Любить, нисколько его не идеализируя, сознавая его ограничения: «Можно заставить народ повиниться, но нельзя заставить понимать, почему»¹⁴. Любовь интеллигенции к народу должна быть отечески трезвой и требовательной.

Но и любящий отец может тиранить своих детей. Как избежать этой ловушки?

А надо научиться любить народ и по сыновьи (не будем стесняться ограничений формальной логики — жизнь, Слава Богу, предостаточно широка, чтобы позволить себе диалектические противоречия). «Путь благородного человека рождается в нем самом, но проходит проверку у народа», — сказал тот же Конфуций. И еще сказал: «Когда пытаются осуществить путь в отрыве от народа, это уже не путь» (увесистые, заметим, камушки в огород наших западников — и тривиальные, как таблица умножения, в свете общей теории систем). В самом деле, никакая часть, даже и лучшая (в принадлежности к коей всегда полезно сомневаться — здесь сходятся все добротные этические традиции), по определению не может объять всех нужд и возможностей целого. Что и требует перед этим целым соответствующего смирения. Сыновнего по характеру.

И, вот, когда мы научимся говорить и мыслить на языке, отвечающем особенностям нашей культуры, и соответственно действовать, мы превратимся из «квислингов» в органическую часть нашего народа — его «голову», и народ наш разительно поумнеет. И Россия, как инстинктом настоящего художника провидел Тальков, начнет превращаться «в страну не дураков, а гениев».

Ибо, повторимся, царство середины не про нас!

¹⁴В «Сборнике пословиц русского народа» Владимира Даля есть одна, которая не только перекликается, но и как бы развивает мысль Конфуция: «Кабы не боярский ум, да не мужичья простота, все бы пропали». Нет, никогда, слава Богу, не был наш народ *монолитно* «глуп».